

Январь-74

ШАРИК

(Сказка).

Шарик лежал в картонной коробке из-под обуви на своей маленькой перекладке в магазине, где продавались игрушки. Возле прилавка каждый день толпились мамы и мамы. Они покупали свои дорогие куклы, машины, игрушечную посуду, разноцветные кубики и много других красивых и веселых вещей. Ах, как завидовал Шарик тем игрушкам, что исчезали в сумках! «Мамы никто никуда не купит», — думал он уныло.

Но однажды и прилежку подошла девочка в белой народной рубашке.

— Дайте мне, пожалуйста, шарик, — попросила девочка. И добавила: — Воздушный.

— Нет, нет шариков, — сказала продавщица. — Их нет, — возмутился шарик. — А я, я! Но его никто, конечно, не услышал. Сейчас девочка повернется и уйдет, и он навсегда останется лежать в этой прогнившей картонной коробке.

На девочку не ушла. — Мне, пожалуйста, один, — настойчиво попросила она. — Только один.

— Нет, ни одного! — сердито возразила продавщица и трахнула картонную коробку. И тут из нее вылетел шарик.

— Вот один завалялся, — продавщица небрежно бросила шарик на тротуар. Девочка протянула руку, и шарик очутился в теплом, уютном кулачке. Потом они вышли из магазина.

Девочка прибавила в майнот-двор. Вонючий ступеньки там же только для того, шарик почувствовал, будто его висят в облаках. Во дворе багряли мальчишки и девочки и оглушительно кричали.

— А я шарик купила, — похвасталась девочка, и дети окружили ее.

— Ой, какой красивый, — восторженно прыгали они. И шарик тоже нетерпеливо и радостно прыгал в руках девочки.

Девочка, как снежинка, шарик, манюшек, прыгнула на снег и понесла, понесла через сугробы.

Вот они уже мастигли его, а он взлетает высоко-высоко и прыгает еще дальше. Дети запылали, разбежались. Шарик весело оглядывался назад. Бросается в самую гущу и перемешивает из рук в руки. Ему очень нравятся эти розово-розовые мальчишки и девочки. Но больше всего ему нравится девочка в белой рубашке.

— Девочка, — кричит он ей. Конечно, она ничего не услышала, но побегала за ним, и он, решив, повел ее на самые высокие сугробы сугробов. Дочка, как снежинка, шарик, манюшек, прыгнула, что куда-то провалился.

Он слышал детские голоса, они искали его. А потом их не стало слышно. Небо постепенно потемнело и стало твоем же темнотой, как бы шарик. А дома загорелись огни. Шарик слышал, как мамы звали своих детей домой.

— Куда же вы, куда? — кричал шарик. — И я с вами!

Но в ответ только ветер шуршал в него ледяной пылью. «Уу-уу», — завыл он, кружась в снежной карусели. Шарик почувствовал, как ветер рванул его, подорвал вверх.

Гуси, кричал шарик, стараясь вырваться из ледяной пелены ветра.

— Мачу-игра-ать, — был ветер и шарик шарил на стороны в стороны. Шарик сопротивлялся из последних сил и вдруг глянулся на большую дом с добрыми теплыми окнами.

В доме розовощекие дети и девочка в белой рубашке видели теплые сны. А ветер шарил его все дальше и дальше, и шарик почувствовал, что дети его стучатся мистическим и ложным от мороза.

— Ой, замерзало! — с отчаянием шептал шарик. Он и не заметил, как очутился в каком-то волшебном дворике, совсем не похожим на тот, где играли с ним веселые розовощекие дети. И дом тут был невеселый, с початой крышей, а во дворе страдал один домок, совсем маленький, без окон, только с одной дверью. Шарик бросился в эту дверь.

Что-то в домике заверещало, задышало, и шарик забился в самый угол, ему стало тепло, но он слышал и все равно ему вставали перед глазами: носом ткнулся ему в бок, обнюхав и ласково лизнул шарик ласковым языком. Шарик совсем расстраивался и увлется между теплыми мохнатыми лапами.

Утром во двор вышла маленькая девочка со своей мамой.

— Мама, — закричал он, — смотри, у нашего Шарика шарик.

— Пришла — увидела мама и звала шарик в руки. — Ой, какой резвый, — засмеялась она, — маме так прыгает.

Потом шарик бегал с мальчишкой по двору, прыгал высоко-высоко, но вдруг ему встали перед глазами: носом ткнулся ему в бок, обнюхав и ласково лизнул шарик ласковым языком. Шарик стало очень грустно. Но ни мальчишка, ни его мама, ни даже добрый мохнатый пес Шарик этого не заметили.

Вниманию читателей предлагается подборка произведений Татьяны Царенко, членки драматургического клуба. Газета не раз публиковала ее очерки, зарисовки, рассказы, стихи. Надеемся, что «детские» рассказы и сказки Татьяны с удовольствием прочтут и взрослые.

ГУСИ

Поднимает меня мама чуть свет: «Сонько, вставай, гусей выгонять пора». А мне спать хочется, «Тебе подушка медом помазана», — сердится мама, — так и липнешь к ней».

Гуси гоготут, топчутся у калитки. Наспех Нью молоко, хворостину в руки, и айда. Птицы вьют друг за дружкой. Гусак вперед, важный, словно он не гусь, а генерал какой. Идет, голову кверху, глазами по сторонам косит, соседского гусака, своего ипрятателя, высматривает. И если увидит, обязательно драться полезет, Схватят друг друга за чубы, крыльями бьют — только перья летят. Гусыня с гусятами вскрикивают испуганно, а в драку не везут: не женское это дело. Я подбегу же хворостину — одного, другого. Она на меня шипит по-змеиному, шею вытягивают. А потом так важно, с достоинством разойдутся, и каждый своей дорогой пойдет, как я в чем не было. На выгоде разбредутся, словно белые хлопья тумана на землю упали.

Утром сон очень морит. Особенно, когда солнышко припечет. Лягу в траву, что погуше, уткнувшись в нее лицом и усну. А гуси так и норовят в шкоду влезть. Особенно наш гусак. Обязательно в чужой огород уведет. Давно тетка Федора обещала на них Жучку спустить, а мне уши нудать.

Уснула я однажды. Вдруг тормошит меня кто. Схватилась я, слышу: гуси кричат: «Собака лает. А возле меня Гриць апыханный: «Жучку... тетка Федора...» А я сама уже вину, наравилась так. Только пух смывается. Схватила я свою хворостину и на эту Жучку проклятую. «Пощади!» — ору, — пошла! А тетка Федора стоит на своем огороде и науськивает: «Взять, Жучку, взять!»

Я со всей силы орала Жучку хворостину. Она сразу же хвост поджала и к своей хозяйке потрусилась. Я не слышала, что там еще тетка Федора выкрикивала: не могла оторвать глаз от злобных гусиных лап. Слезы у меня из глаз так и брызнули. Что скажет мама? «Побьет», — решила Гриць.

Вечером, когда смерклось, прыгала я гусей домой. Мертвых гусей принесла в полове. Мама выдала корову. Гуси обступили корыто с водой, ждали, высоко запрокинув головы, перекатывая воду в горла, как горошину. Я положила всех пятерых гусат возле корыта, как будто они воду пьют.

Потом мама вышла с хлеба. Поставила ведро с молоком, давая гусей считать. Ну, думаю, сейчас начнется. Да тихоонко шмыг и в стог снова залезла. Там и себе пелерку давно сделала. Пряталась, когда в прятки играли. Сняжу и анжу, как мама в дом молоко отнесла, потом вышла, начала гусей загонять. Вот она возле корыта нагнетывается над гусятами. «А это что? Сонько, Сонько», — зовет она раздраженно. Ага, так я и отозвалась. — «Ну подожди, придишь же ты».

А я и не думаю приходить. Засыпаю и во сне вижу, как наш гусак взлетел на голову тете Федоре и бьет, бьет ее крыльями. С тетки Федоры начинает сыпаться белый пух, и она гогочет по-гусиному га-га-га. «Так тебе и надо», — злорадствую я и тут же просыпаюсь.

Во дворе кричат гуси. Солнце пробирается сквозь нежданный занесу сена и глядит мне лицо. Слышу мамин голос: «Ты моей девочке не видела, Катерина?» «Та где ж бы я ее видела?» — удивляется Катерина. «Ой, нещело, где же она делась, — плачет мама. — Боятся, что бить ее за гусат буду. Да разве я ее была бы?»

Мне жалко маму, хочется ее обрешовать «Мама, я тут», — высовываю я голову из своей норы, мама всплескивает руками. «Бить не будешь?» — интересуюсь я. «Не буду», — весело говорит мама и за ухо вытягивает меня на снег божий.

Я рассказываю маме про Жучку. «Жучка не виновата», — говорит мама. — Она ведь не человек, она жалеет на умает. Мама больше ничего не говорит, но и раз и навсегда ставлю тетку Федору в ряд самых влых в жестоких существ.

РАЗЛЕТА

Гриць, Гриць, ни у Бабы Ядохи, ни у кого в селе нету Разлета. Разлетами называли. Спелая земля разлетается, не земля и вздрогнули разлетитесь, потому и разлета.

Говорит мне однажды Гриць: «Айда к бабе Ядохе разлеты воровать». У мамы родной бабушка нет, а бабка Ядохе — мамина тетя, значит мне — двоюродная бабушка. «Айда», — говорю. Надаром моя мама говорит, что где мама ни поест, везде урсной собираешь. Я хоть куда пойдю.

Гриць, как белка, на дереве взобрался, только ветки колышутся. А я вилку стою, голову задарил: жду, когда мне в подол гриши полетят. Из же на землю бросать нельзя — разлетается. Гриць шепчет сверху: «Лови». Я подол подставляю. Шмяк — и гриша на земле. «Ты что, безручий Дура», — шеплет сердится Гриць. «Сам дурак, — разозлился я. — Не смотришь, куда бросаешь».

«А кто там?» — бабки Ядохин голос прекращает спор. «Тыкая!» — шепчет Гриць. Я шмыгнула в сморданные кусты, а Гриць забирется выше. Я вижу, как бабка Ядохе подбегается к грише, а рукав палка. «А я вот тебе, — бабка стучит по столу гриши палкой. — Слазь, зараз не слыши. Гриць притянулся, молчит. Бабка Ядохе бросает палку, решительно обхватывает стол руками. Неужели полезет, обхватывая я. Но долго сомневаться не приходится. Бабка прытко забирется на гришу, про вся сон 68 лет забирала. Гриць завопил, полез еще выше.

«Я тебе, я тебе», — с приданьем выдаивает из себя бабка. Но вот она уже на сучу и поглядывает, за какую ветку дальше хвататься. И хорошо, что присмотрела. Только она за ветку рывком взялась — сук под ногом хрустнул. Смотрю, вижу бабка Ядохе, ногами болтает и молчит. Ора с перепугу, наверно, голос потеряла. Я тоже перепугалась. Ой, думаю, аду ветка обломится, тогда с бабки нестойкая разлета получится.

Вдруг бабка как завопит: «Людонька, помогай». — И чуть не плачет: «Сыну! Грицю, слезь скорее, подставь друбищу». А Гриць, удачным моментом пользуется: «А гриш дайте!» «Ой, дам. Хотя все еще, только слезь, сыну, скорее!» «Сонько, беги за друбищу», — кричит Гриць весело. «Так и ты тут?» — спрашивает бабка Ядохе, но тут же обхватывает вспоминает свое незавидное положение. «Соню, дочка, неси ту друбищу, а то руки солмаги. Ой, людонька, успевай».

Мне жаль бабку Ядоху. Я мчусь, за лестницей. Волочу ее, большую, тяжелую. Когда бабьими ногами касаются перелески, я с ослепкой отхожу на почтительное расстояние. Но бабка Ядохе, еще не совсем веря в свое спасение, говорит: «Та ни я так гришу жалую! Ешьте сколько хотите, только веток не ломайте».

Мы сидим на дереве, упираем за себе шапки мягкие, ароматные гриши и коконем. Бабка Ядохе для порядка садится, трогает нам палкой и, охлад, уходит в кату.

Солнце пробирается сквозь нежданный занесу сена и глядит мне лицо. Слышу мамин голос: «Ты моей девочке не видела, Катерина?» «Та где ж бы я ее видела?» — удивляется Катерина. «Ой, нещело, где же она делась, — плачет мама. — Боятся, что бить ее за гусат буду. Да разве я ее была бы?»

Мне жалко маму, хочется ее обрешовать «Мама, я тут», — высовываю я голову из своей норы, мама всплескивает руками. «Бить не будешь?» — интересуюсь я. «Не буду», — весело говорит мама и за ухо вытягивает меня на снег божий.

Я рассказываю маме про Жучку. «Жучка не виновата», — говорит мама. — Она ведь не человек, она жалеет на умает. Мама больше ничего не говорит, но и раз и навсегда ставлю тетку Федору в ряд самых влых в жестоких существ.

Солнце пробирается сквозь нежданный занесу сена и глядит мне лицо. Слышу мамин голос: «Ты моей девочке не видела, Катерина?» «Та где ж бы я ее видела?» — удивляется Катерина. «Ой, нещело, где же она делась, — плачет мама. — Боятся, что бить ее за гусат буду. Да разве я ее была бы?»

Мне жалко маму, хочется ее обрешовать «Мама, я тут», — высовываю я голову из своей норы, мама всплескивает руками. «Бить не будешь?» — интересуюсь я. «Не буду», — весело говорит мама и за ухо вытягивает меня на снег божий.

Я рассказываю маме про Жучку. «Жучка не виновата», — говорит мама. — Она ведь не человек, она жалеет на умает. Мама больше ничего не говорит, но и раз и навсегда ставлю тетку Федору в ряд самых влых в жестоких существ.

Солнце пробирается сквозь нежданный занесу сена и глядит мне лицо. Слышу мамин голос: «Ты моей девочке не видела, Катерина?» «Та где ж бы я ее видела?» — удивляется Катерина. «Ой, нещело, где же она делась, — плачет мама. — Боятся, что бить ее за гусат буду. Да разве я ее была бы?»

Мне жалко маму, хочется ее обрешовать «Мама, я тут», — высовываю я голову из своей норы, мама всплескивает руками. «Бить не будешь?» — интересуюсь я. «Не буду», — весело говорит мама и за ухо вытягивает меня на снег божий.

Я рассказываю маме про Жучку. «Жучка не виновата», — говорит мама. — Она ведь не человек, она жалеет на умает. Мама больше ничего не говорит, но и раз и навсегда ставлю тетку Федору в ряд самых влых в жестоких существ.

Солнце пробирается сквозь нежданный занесу сена и глядит мне лицо. Слышу мамин голос: «Ты моей девочке не видела, Катерина?» «Та где ж бы я ее видела?» — удивляется Катерина. «Ой, нещело, где же она делась, — плачет мама. — Боятся, что бить ее за гусат буду. Да разве я ее была бы?»

Мне жалко маму, хочется ее обрешовать «Мама, я тут», — высовываю я голову из своей норы, мама всплескивает руками. «Бить не будешь?» — интересуюсь я. «Не буду», — весело говорит мама и за ухо вытягивает меня на снег божий.

Я рассказываю маме про Жучку. «Жучка не виновата», — говорит мама. — Она ведь не человек, она жалеет на умает. Мама больше ничего не говорит, но и раз и навсегда ставлю тетку Федору в ряд самых влых в жестоких существ.

Солнце пробирается сквозь нежданный занесу сена и глядит мне лицо. Слышу мамин голос: «Ты моей девочке не видела, Катерина?» «Та где ж бы я ее видела?» — удивляется Катерина. «Ой, нещело, где же она делась, — плачет мама. — Боятся, что бить ее за гусат буду. Да разве я ее была бы?»

Мне жалко маму, хочется ее обрешовать «Мама, я тут», — высовываю я голову из своей норы, мама всплескивает руками. «Бить не будешь?» — интересуюсь я. «Не буду», — весело говорит мама и за ухо вытягивает меня на снег божий.

Я рассказываю маме про Жучку. «Жучка не виновата», — говорит мама. — Она ведь не человек, она жалеет на умает. Мама больше ничего не говорит, но и раз и навсегда ставлю тетку Федору в ряд самых влых в жестоких существ.

Солнце пробирается сквозь нежданный занесу сена и глядит мне лицо. Слышу мамин голос: «Ты моей девочке не видела, Катерина?» «Та где ж бы я ее видела?» — удивляется Катерина. «Ой, нещело, где же она делась, — плачет мама. — Боятся, что бить ее за гусат буду. Да разве я ее была бы?»

Мне жалко маму, хочется ее обрешовать «Мама, я тут», — высовываю я голову из своей норы, мама всплескивает руками. «Бить не будешь?» — интересуюсь я. «Не буду», — весело говорит мама и за ухо вытягивает меня на снег божий.

Я рассказываю маме про Жучку. «Жучка не виновата», — говорит мама. — Она ведь не человек, она жалеет на умает. Мама больше ничего не говорит, но и раз и навсегда ставлю тетку Федору в ряд самых влых в жестоких существ.

Солнце пробирается сквозь нежданный занесу сена и глядит мне лицо. Слышу мамин голос: «Ты моей девочке не видела, Катерина?» «Та где ж бы я ее видела?» — удивляется Катерина. «Ой, нещело, где же она делась, — плачет мама. — Боятся, что бить ее за гусат буду. Да разве я ее была бы?»

Мне жалко маму, хочется ее обрешовать «Мама, я тут», — высовываю я голову из своей норы, мама всплескивает руками. «Бить не будешь?» — интересуюсь я. «Не буду», — весело говорит мама и за ухо вытягивает меня на снег божий.

Я рассказываю маме про Жучку. «Жучка не виновата», — говорит мама. — Она ведь не человек, она жалеет на умает. Мама больше ничего не говорит, но и раз и навсегда ставлю тетку Федору в ряд самых влых в жестоких существ.

Солнце пробирается сквозь нежданный занесу сена и глядит мне лицо. Слышу мамин голос: «Ты моей девочке не видела, Катерина?» «Та где ж бы я ее видела?» — удивляется Катерина. «Ой, нещело, где же она делась, — плачет мама. — Боятся, что бить ее за гусат буду. Да разве я ее была бы?»

Мне жалко маму, хочется ее обрешовать «Мама, я тут», — высовываю я голову из своей норы, мама всплескивает руками. «Бить не будешь?» — интересуюсь я. «Не буду», — весело говорит мама и за ухо вытягивает меня на снег божий.

Я рассказываю маме про Жучку. «Жучка не виновата», — говорит мама. — Она ведь не человек, она жалеет на умает. Мама больше ничего не говорит, но и раз и навсегда ставлю тетку Федору в ряд самых влых в жестоких существ.

Солнце пробирается сквозь нежданный занесу сена и глядит мне лицо. Слышу мамин голос: «Ты моей девочке не видела, Катерина?» «Та где ж бы я ее видела?» — удивляется Катерина. «Ой, нещело, где же она делась, — плачет мама. — Боятся, что бить ее за гусат буду. Да разве я ее была бы?»

Мне жалко маму, хочется ее обрешовать «Мама, я тут», — высовываю я голову из своей норы, мама всплескивает руками. «Бить не будешь?» — интересуюсь я. «Не буду», — весело говорит мама и за ухо вытягивает меня на снег божий.

Я рассказываю маме про Жучку. «Жучка не виновата», — говорит мама. — Она ведь не человек, она жалеет на умает. Мама больше ничего не говорит, но и раз и навсегда ставлю тетку Федору в ряд самых влых в жестоких существ.

Северные трассы.

Фото Ю. Жукова.

Редактор А. ЗУБАРЕВ.

НАШ АДРЕС И ТЕЛЕФОНЫ:

62400 г. Сургут, ул. Промышленная, 1А. Телефон: редактор — 1-98, заместитель редактора — 3-43, ответственный секретарь — 3-68, отдел экономики — 3-47, отдел информации — 3-66, отдел писем — 6-18, отдел фотонаглядки, бухгалтерия — 4-75, директор типографии — 2-24, бухгалтерия типографии — 1-68.